

Научная статья
УДК 323.21(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2024-2-63-45-52

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРУПЦИИ: МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Сергей Николаевич Чирун^{1✉}, Сергей Сергеевич Гладких²

^{1,2}Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹Sergii-Tsch@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

²Serg.gladkix@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ современных методов и приемов реализации политической коррупции. В рамках реализации данной цели авторы опираются на неоинституциональный методологический подход. Негативные последствия коррупции наблюдаются в различных сферах общественной жизни. Особенно коррупция деструктивна для политической и социально-экономической систем. В представленной статье исследуется возможность наличия объективных потребностей субъектов принятия управленческих решений в процессах институционализации коррупционных взаимоотношений, затрагиваются проблемы интегрированности политической коррупции в управленческую и политико-правовую подсистемы, что, по мнению авторов, приводит к множественным функциональным искажениям в системе государственных институтов в интересах латентных структур. Авторами отмечается, что реальные достижения в борьбе с коррупцией становятся возможны лишь при условии взаимодействия гражданского общества с органами и институтами государственной власти, актуализации ценностей гражданского активизма в общественно-политическом участии граждан.

Ключевые слова: системная коррупция, виды коррупции, клиентела, технологии коррупции, гражданское общество

Для цитирования: Чирун С. Н., Гладких С. С. Региональные аспекты политической коррупции: методы и технологии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 2 (63). С. 45–52. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-2-63-45-52>.

Research article

REGIONAL ASPECTS OF POLITICAL CORRUPTION: METHODS AND TECHNOLOGIES

Sergey N. Chirun^{1✉}, Sergey S. Gladkikh²

^{1,2}Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹Sergii-Tsch@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

²Serg.gladkix@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze modern methods and techniques for implementing political corruption. To achieve this goal, the authors rely on a neo-institutional methodological approach. The negative consequences of corruption are observed in various spheres of public life. Corruption is especially destructive for political and socio-economic systems. When analyzing the political manifestations of corruption, it is necessary to take into account the economic and geopolitical situation. Thus, in conditions of partial international isolation of Russia, external threats to economic security are significantly increasing, the volume of shadow entrepreneurship is increasing, which can negatively affect the economic security of the region, the country and national security in general. This article examines the possibility of the presence of objective needs of subjects of management decisions in the processes of institutionalization

of corruption relationships. Problems of integration of political corruption into the managerial and political-legal subsystems are addressed, which, according to the authors, leads to multiple functional distortions in the system of state institutions in the interests of latent structures. The authors note that real achievements in the fight against corruption become possible only through the interaction of civil society with the bodies and institutions of state power, the actualization of the values of civil activism in the socio-political participation of citizens.

Keywords: systemic corruption, types of corruption, clientele, technologies of corruption, civil society

For citation: Chirun S. N., Gladkikh S. S. Regional aspects of political corruption: methods and technologies. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2024;(2(63)):45–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-2-63-45-52>.

Коррупция изначально ассоциируется с деструктивными общественно-политическими явлениями и процессами. Например, понятие «*corruptire*» в латинском языке связывалась с разрушением, разложением, порчей. Это понятие происходит из двух латинских терминов, а именно термина «*correi*» — что означает взаимодействие нескольких акторов, участвующих в процессе, и термина «*rumpere*» — означающего ломку, повреждение, нарушение.

В современном итальянском языке понятие «*corruzione*» означает порчу, гниение, подкуп (ит. *corruzione di pubblico ufficiale* — подкуп должностного лица), а также совращение (ит. *corruzione di minorenni* — совращение малолетних). Таким образом сформировалось понятие «коррупция», обозначающее процесс и эффект соучастия нескольких субъектов с целью нарушения/искажения нормативно-регламентированного порядка реализации институциональных управленческих процессов. В русский язык слово коррупция прочно вошло лишь в годы горбачевской «перестройки». В России в период Российской Империи активно использовались такие близкие понятия, как «мздоимство», «лихоимство», «продажность», «поборы», «бакшиш», «хабара», «магарыч», а в Советском Союзе активно использовались понятия «взятничество» и «злоупотребление служебным положением» [1].

Поскольку публичная власть функционирует посредством системы политических институтов, любая коррупция, являясь формой злоупотреблений властью, в широком смысле может рассматриваться в качестве политической коррупции. В случае узкого подхода, из всей сферы потенциальных коррупционных отношений целесообразно выделять те из них, которые напрямую связаны с различными аспектами публичной политики и политического управле-

ния, а именно: политический консалтинг, электоральные процессы и технологии; лоббирование законопроектов и прочую лоббистскую деятельность; процедуры обсуждения и принятия бюджета, законопроекта; финансирование деятельности политических партий и избирательных компаний, а также вопросы приватизации [2–5].

Исследователи, акцентируя внимание на проблематике политической коррупции, что необходимо для определения особенностей феномена в его узком значении, указывают основные критерии, позволяющие более точно идентифицировать политическую коррупцию. В качестве таковых указываются: статус субъекта, совершившего коррупционное нарушение; мотивация коррупционной деятельности; последствия для субъекта коррупционной деятельности [4, 6–7].

Можно применять различные основания для видовой классификации коррупционной деятельности. По социально-сертификационному критерию можно выделить элитарную и низовую коррупцию. Элитарная коррупция вовлекает в орбиту своей деятельности политическую, управленческую, административную и бизнес элиты [5–6, 8]. Исследователи отмечают, что в Российской Федерации остро стоит вопрос, связанный с непосредственным проведением государственных закупок, при этом возникновение таких явлений, как коррупция, сильно отражается на эффективности функционирования данной системы [7, с. 109]. Элитарная коррупция обычно реализуется в относительно защищенной институциональной форме. Систематически повторяющиеся попытки «монетизировать» элитарную коррупцию, вывести ее за институциональные (косенсусные) рамки, трансформируя ее в традиционную рыночную форму, сегодня во всем

мире сопряжены с огромными политическими и административными рисками.

Низовая коррупция, в отличие от элитарной, как правило, реализуется в «незащищенной» рыночной нише. Этот вид коррупционных отношений известен также под термином «бытовая (повседневная) коррупция» [9], через нее «не элитные» слои населения существуют в обыденной повседневной реальности: взятки в образовательных и медицинских учреждениях, военкоматах, судах и т. д.

Именно элитарная институциональная коррупция является, с одной стороны, наименее заметной (ее труднее всего выявить и разоблачить), но, вместе с тем, по своим последствиям — наиболее деструктивной и разрушительной для общества и государства.

Коррупция также типологизируется по общественным подсистемам: социально-экономическая, политико-управленческая и т. д.; по уровню управленческого воздействия: федеральная, региональная, муниципальная и локальная.

Латентные структуры, которые в свою очередь могут быть представлены: олигархическими структурами, клановыми группировками, транснациональными и зарубежными агентами влияния, тесно связывают политическую коррупцию с коррупцией международной [10]. Международная коррупция предполагает извлечение ренты через нанесение получателем ущерба национальным интересам посредством незаконной передачи заинтересованным международным акторам геополитических, экономических, информационных, логистических, интеллектуальных, правовых и т. д. ресурсов [8, 11]. Например, это может быть содействие выводу капиталов в зарубежные офшорные зоны и тем самым уход от уплаты налогов и т. д.

В международном праве сформировалось представление о коррупционном действии как о корыстном служебном злоупотреблении, не сводящимся только лишь к продажности чиновников. Так в Конвенции ООН, принятой 31 октября 2003 г. в Нью-Йорке, а также Резолюции 58/4, принятой на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупционные пре-

ступления, принятой в Страсбурге 27 января 1999 г., не используют дефиницию коррупции как таковой, но определяют совокупность действий, являющихся проявлениями коррупции. В их числе не только взяточничество, но также совершаемые субъектами администрирования хищения, присвоения, нецелевые использования какого-либо имущества, публичных или частных средств, или ценных бумаг, или любого другого ценного предмета, находящихся в ведении этого публичного должностного лица в силу его служебного положения.

В международном праве, а также в национальном законодательстве большинства современных государств преобладает расширенное понимание проблем коррупции, не сводимое лишь к взяточничеству и включающее ряд деструктивных явлений, связанных с проявлениями признаков nepотизма, клиентелы и патронажа, а также любые технологии нелегального обогащения за счет общественного ресурса.

Отметим, что коррупционные преступления не могут быть сведены к банальному взяточничеству и должностным злоупотреблениям. Помимо них коррупция также распространяется на проявления коррупционного лоббизма, коррупционного nepотизма, коррупционного фаворитизма и «блата», коррупционного протекционизма. Указанное понимание коррупции включает действия, направленные на коррупционное перераспределение фондов, а также на присвоение общественных ресурсов. Сюда, в частности, могут относиться процессы приватизации, проведенные с нарушением действующего законодательства; осуществление вымогательства; необоснованное предоставление льготных кредитов, льготных условий для займов; оплата досуга, отдыха и лечения, зарубежных командировок, и даже, в отдельных случаях, отбывания наказания в местах лишения свободы.

Также коррупция может проявляться в осуществлении административной поддержки и финансировании политических партий или конкретных кандидатов в условиях электорального процесса, «телефонном праве», злоупотреблении властью не только для удовлетворения личных целей и интересов, но также в интересах собственных конституентов, пред-

ставителей своего клана, клиентелы или парантеллы [12].

Технология коррупции представляет собой систему приемов и методов эффективно-го целедостижения коррупционных выгод при затрате минимальных усилий и ресурсов. Это четкое и систематизированное знание (обычно в виде набора правил или алгоритма), позволяющее из исходных компонентов получить желаемый конечный результат. Коррупционные технологии существенно различаются по особенностям мотивации участников коррупционных отношений. На основании пилотажных исследований выделены три группы мотивов.

1. Субъектные коррупционные отношения, реализуемые по собственной инициативе и в личных целях. В этом случае под личными целями понимаются и цели членов семьи, родственников и близких друзей чиновника. Например, если супруга чиновника захотела приобрести домик на лазурном берегу — это безусловно будет считаться личной целью чиновника.

Данный мотив редко является доминирующим для опытных коррупционеров, и чаще всего он характерен для молодых, «голодных», еще не опытных чиновников, не усвоивших системные алгоритмы и технологии коррупционных отношений. Такие чиновники, как правило, не имеют над собой корпоративной коррупционной крыши, поэтому чаще всего именно они и «попадаются», становясь фигурантами публичных коррупционных дел, тем самым давая возможность правоохранительным органам продемонстрировать «эффективность» своей антикоррупционной деятельности, а также предоставляя адвокатам, следователям и судьям дополнительные возможности для монетизации собственного статуса.

2. Корпоративные коррупционные отношения. В этом случае, хотя чиновник и совершает коррупционные действия, но эти его действия лишены полноценной субъектности, поскольку они зачастую носят вынужденный характер, совершаясь по неформальному указанию вышестоящего руководства, сопровождаясь при этом равнодушием, либо даже согласием и одобрением коллег.

Мотивацией участия в такого рода коррупционных отношениях является достижение интересов собственной латентной структуры или неформальных интересов профессиональной группы, например, это может быть определенный государственной или муниципальной орган власти. Бонусами для непосредственного актора коррупционных отношений является, как правило, не финансовая или иная материальная форма поощрения, а получение официальной награды (медали, грамоты), служебная командировка за рубеж, отдых за счет организации или профсоюза, а в будущем даже повышение по службе.

Особая опасность такого типа коррупционных отношений заключается в том, что в этом случае действующие коррупционные акторы считают себя добросовестными исполнительными сотрудниками и, как правило, не идентифицируют себя участниками коррупционных отношений, но именно это приводит к институциональному перерождению и деструктивной трансформации самой системы государственного управления.

К активным коррупционным технологиям можно отнести те, которые предполагают высокую активность субъектов при организации и реализации процесса коррупционного взаимодействия, что неизбежно при низкой (начальной) степени институционализации коррупционных практик, либо значительной степени их вариативности. Пассивные же технологии способны доминировать лишь при определенной (достаточно высокой) стадии институционализации коррупционного процесса, они предполагают снижение коммуникативной составляющей, меньшие трудовые затраты, а также снижение уровня риска. В публичной политике наиболее распространенной пассивной коррупционной технологией является само избирательное право. При использовании субъектом коррупции пассивных технологий «токсичные» для политического режима партии и кандидаты могут не получить регистрации, либо быть лишены регистрации, они могут быть легко сняты с выборов, а также подвергаться всевозможным санкциям по фактически любым основаниям и предложениям. В этом случае субъект коррупционных отношений находится в относительной безопасности, чувствуя себя за-

щищенным действующим законодательством, но, в первую очередь, возможностями административного ресурса.

Активными же можно назвать те технологии, которые формируют активное взаимодействие между субъектами, участвующими в коррупционном процессе. Они могут выражаться в разнообразных злоупотреблениях должностным положением, что может проявляться в создании «режима наибольшего благоприятствования» для отдельных кандидатов, например: организации встреч с предварительно «заряженным» электоратом под предлогом разнообразных административных мероприятий, проводимых с работниками бюджетных отраслей; использовании отдельными кандидатами в ходе электорального процесса служебных помещений, служебного транспорта, дешевой или бесплатной рабочей силы «волонтеров» с минимальной оплатой или без нее из числа сотрудников бюджетной сферы (врачей, учителей, воспитателей, студентов вузов) для участия в агитационных мероприятиях за нужных власти кандидатов.

3. Договорные коррупционные отношения. Данная технология реализуется посредством заключения фиктивного договора с избирателями. Обычно речь идет об оказании определенных социальных услуг, социальной помощи: обустройство детской площадки; проведение к поселкам газоснабжения; строительство сквера, парка или храма; ремонт школы и т.д. Но может действовать и обратная схема. Разновидностью данной коррупционной технологии является технология, получившая наименование «прикормка». Технология предполагает создание благотворительного фонда под своей фамилией, либо делает так, чтобы во время выборов этот благотворительный фонд прочно идентифицировался как фонд конкретного кандидата.

В процессе технологизации коррупционных практик в управленческих системах формируются структуры, представляющие основания для выстраивания глубоко латентных связей [8, с. 88]. Суть данной технологической схемы заключается в том, что коррумпированный чиновник взаимодействует исключительно лишь с одним посредником в процессе реализации коррупционного акта. Недостаток же данной техно-

логии заключается в рисках персональной деанонимизации участников коалиции в случае возможного выхода из нее посредника.

Активисты «ядра» налаживают деловые отношения с государственными чиновниками, решают вопросы инкорпорирования участников коалиции на руководящие должности, а также привлечения к разовым сделкам отдельных чиновников на основе технологии «обменной коррупции».

Однако часто бывает так, что многих чиновников, вследствие высоких моральных качеств последних, либо, напротив, их банальной трусости, практически невозможно склонить к участию в коррупционных отношениях даже на разовой основе. Поэтому в таких случаях к коррупционным схемам часто привлекаются психологи. Их функция заключается в психологическом манипулировании лицом, принимающим управленческие/политические решения (ЛПР), либо лицом, непосредственно участвующим в процессе реализации управленческого/политического решения и способным существенно повлиять на качественные и количественные параметры его реализации. Причем ЛПР может даже не подозревать, что его действия или попустительство (пассивность) могут являться частью проплаченной кем-то коррупционной схемы. Например, секретарь передает своему руководителю на подпись документ в тот момент, когда ЛПР в информационном или личном плане наиболее уязвимо. Например, нет времени вникнуть в суть документа, возникли проблемы со здоровьем, особые аспекты личной жизни (когда секретарь по совместительству выполняет функции любовницы) и т.д. В результате ЛПР подписывает документ, но коррупционную ренту извлекает секретарь.

В ряде российских регионов успешно реализуется технология легализации денежных средств, собранных «бюрократическим рэкетом» через благотворительные фонды. У этой технологии много преимуществ. Во-первых, создание благотворительных организаций позитивно сказывается на имидже и рейтинге руководителя региона. Во-вторых, благотворительный фонд является эффективной технологией для отмывания средств. И наконец все финансовые операции, осуществляемые от

имени Фонда, реализуются без налогов и таможенных сборов.

При губернаторе А. М. Тулееве в Кузбассе получила развитие институциональная практика так называемых «социальных соглашений». Эта технология основывалась на принуждении бизнеса к уплате взносов в региональные социальные фонды и участию в проектах так называемого «квазипубличного взаимодействия». Такая технология на первый взгляд не производила впечатление криминальной, «соглашения» региональной политической элиты с бизнесом не были секретом, и даже сам губернатор Кузбасса публично заявлял о реализации в регионе особой практики работы с бизнесом, связанной с развитием региональной модели корпоративной социальной ответственности, получившей известность как «Кузбасский социализм».

Указанная технология преподносилась как следствие личной заботы губернатора и сотрудников региональной власти о малозащищенных слоях населения.

Самым крупным в Кузбассе являлся фонд «Милосердие», который был основан в 2003 году, и именно в него направлялись основные финансовые потоки и отчисления. Впрочем, после утраты А. М. Тулеевым значительной части административного ресурса, фонд вышел из системы отношений клиента, что привело к конфликту руководства фонда с уже бывшим губернатором региона [13].

Бюрократический рекет может дополняется административным рейдерством [2].

Например, в Кемеровской области в числе «административных рейдеров» на скамье подсудимых оказались даже вице-губернаторы А. И. Иванов и А. В. Данильченко. Семеро из восьми подсудимых в ходе проведения следственных действий находились под домашним арестом, а бывший генерал-лейтенант С. Н. Калинин был помещен в следственный изолятор. В итоге обвинение фигурантам коррупционного дела было предъявлено по ч. 3 ст. 163 УК РФ за вымогательство организованной группой в особо крупном размере.

Позже Центральный районный суд города Кемерово приговорил бывшего главу СУ СКР по Кузбассу С. Н. Калинкина к десяти годам лишения свободы и штрафу в восемь миллио-

нов рублей. Он был признан виновным в вымогательстве, превышении должностных полномочий и получении взятки по делу об акциях шахты «Разрез Инской». Суд установил, что С. Н. Калинин в 2012 и 2014 годах получил от предпринимателя А. Щукина взятки в виде автомобилей марки BMW стоимостью 4,2 млн руб. и 6,6 млн руб., а в июле 2016 г. участвовал в вымогательстве акций АО «Разрез Инской» в количестве 513 шт. балансовой стоимостью 2,8 млрд руб.

Также в суде вынесли приговор в отношении других фигурантов дела: экс-заместителя руководителя второго отдела по расследованию особо важных дел СКР по Кузбассу С. М. Крюкова и следователя этого отдела А. Ю. Шевелева осудили на шесть лет колонии, А. В. Иванову и А. В. Данильченко, экс-заместителям губернатора Кемеровской области, дали шесть и пять лет шесть месяцев соответственно. Начальницу департамента администрации области Е. А. Троицкую осудили на пять лет и шесть месяцев [14].

Следует отметить, что бывший губернатор А. М. Тулеев лично заступился за своих подчиненных, признав, что они выполняли его распоряжение и первоначально даже отказывался снимать их с занимаемых административных должностей [13].

Таким образом, развитию региональных коррупционных сетей способствует сама бюрократическая система, формирующая условия для профессиональной деформации чиновников. Это проявляется в формировании определенного личностного типа управленца, ориентированного не на соблюдение законов, а на соблюдение корпоративной бюрократической этики, направленной на создание видимости порядка, мотивированности, заинтересованности, ответственности.

Региональная коррупция представляет собой систему скрытых от общества взаимодействий разветвленных групп интересов бюрократических структур, групп чиновников, политических и гражданских агентов, встроенных в архитектуру региональных государственных институтов и учреждений с целью присвоения общественных благ и ресурсов.

Будучи результатом активности латентных структур государственных и частных акторов,

интегрированных посредством квази-институциональных структур клиентелы и парантеллы, коррупция не только деформирует функционал региональных органов власти, но и приводит к перераспределению ресурсов региона в интересах коррупционных группировок, аффилированных с публичной региональной властью. Повторяемость, стабильность и «вертикализация» (поддержка на федеральном уровне) такого рода практик, в конечном счете, становится системной угрозой перерождения государственных институтов, подрывая функционал региональной власти, разобщая взаимодействие органов управления и усиливая деструктивные межинституциональные трения.

Базой для развития коррупционных отношений является низкий уровень гражданского самосознания населения большинства российских регионов и широкое распространение в региональном аппарате управления элементов патрон-клиентской этики.

Основными бенефициарами системной коррупции являются латентные структуры, за счет коррупционных методов и неформальных сетевых коммуникаций преодолевающие административные ограничения и замещающие собственными интересами интересы государства.

Ситуация с функциональностью политических институтов во многих российских регионах вплотную приближается к своим критическим значениям, актуализируя риски системного кризиса региональных режимов на фоне разрушения партнерских отношений власти и гражданского общества.

Поэтому в противодействии региональной коррупции значительную роль должно сыграть развитие институтов регионального гражданского общества, представленного экспертным сообществом, активистскими молодежными движениями, социальными медиа, а также другими гражданскими инициативами и практиками.

Список источников

1. Беглова Е. И., Трусов Н. А., Ломтев С. П. Термины «взятка», «лихоимство» в историческом развитии в деловой и разговорной речи. *Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 2 (46). С. 67–72.
2. Гахраманов С. А. Тоталитарные модели взаимоотношения власти и бизнеса: общее и различия // *Власть*. 2017. Т. 25, № 3. С. 155–161.
3. Елисеева С. Н., Тарасов И. Н. Коррупция как вызов политической модернизации в России // *Власть*. 2015. Т. 21, № 8. С. 17–19.
4. Квон Д. А. Политическая коррупция: понятие, цели, субъекты // *Власть*. 2016. Т. 23, № 7. С. 45–52.
5. Михайлова О. В., Скоробогатова А. В. Общество против коррупции: взгляд через призму принципал-агентской модели // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 4. С. 156–171.
6. Левин С. Н., Кранзеева Е. А., Саблин К. С. Субъекты квазипубличного взаимодействия в регионе ресурсного типа: взгляд изнутри // *Мир России*. 2021. № 4. С. 106–127.
7. Очирова В. М. Коррупция в России: состояние и перспективы // *Власть*. 2015. Т. 22, № 9. С. 105–111.
8. Миллер Т. В. Соотношение публичных и латентных структур в российской практике принятия политических решений // *Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия*. 2016. № 8. С. 80–89.
9. Трунцевский Ю. В. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // *Журнал российского права*. 2018. № 1 (253). С. 157–168.
10. Соловьев А. И., Миллер Т. В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2017. № 63. С. 212–232.
11. Трунцевский Ю. В., Цирин А. М. Государственная политика по противодействию коррупции: национальные инициативы // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. Т. 18, № 6. С. 87–98.
12. Бирюков С. С. Всепроникающая клиентела // *Свободная мысль*. 2012. № 7–8 (1634). С. 30–41.
13. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 253–268.
14. Суд установил вину бывших главы СУ СКР и вице-губернаторов Кузбасса по делу об акциях разреза «Инской» // *Коммерсантъ* : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5142788>. Дата публикации: 23.12.2023.

References

1. Beglova E. I., Trusov N. A., Lomtev S. P. The terms “bribe”, “extortion” in the historical development in business and colloquial speech. Legal science and practice. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(2 (46)):67–72. (In Russ.).
2. Gahramanov S. A. Totalitarian models of the relationship between government and business: generalities and differences. *Vlast` = Power*. 2017;25(3):155–161. (In Russ.).
3. Eliseeva S. N., Tarasov I. N. Corruption as a challenge to political modernization in Russia. *Vlast` = Power*. 2015;21(8):17–19. (In Russ.).
4. Kwon D. A. Political corruption: concept, goals, subjects. *Vlast` = Power*. 2016;23(7):45–52. (In Russ.).
5. Mikhailova O. V., Skorobogatova A. V. Society against corruption: a view through the prism of the principal-agent model. *Social`no-gumanitarny`e znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2019;(4):156–171. (In Russ.).
6. Levin S. N., Kranzeeva E. A., Sablin K. S. Subjects of quasi-public interaction in a resource-type region: a view from the inside. *Mir Rossii = World of Russia*. 2021;(4):106–127. (In Russ.).
7. Ochirova V. M. Corruption in Russia: state and prospects. *Vlast` = Power*. 2015;22(9):105–111. (In Russ.).
8. Miller T. V. Correlation of public and latent structures in the Russian practice of making political decisions. *Politika, e`konomika i social`naya sfera: problemy` vzaimodejstviya = Politics, economics and social sphere: problems of interaction*. 2016;(8):80–89. (In Russ.).
9. Truntsevsky Yu. V. Everyday (everyday) corruption: concept and social significance. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(1(253)):157–168. (In Russ.).
10. Solovyov A. I., Miller T. V. Latent sphere of politics: a version of theoretical identification. *Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronny`j vestnik. = Public Administration. Electronic newsletter*. 2017;(63):212–232. (In Russ.).
11. Truntsevsky Yu. V., Tsirin A. M. State policy to combat corruption: national initiatives. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*. 2022;18(6):87–98. (In Russ.).
12. Biryukov S. S. All-pervasive clientele. *Svobodnaya my`sl` = Free thought*. 2012;(7–8(1634)):30–41. (In Russ.).
13. Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime using the example of the Kemerovo region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2018;(44):253–268. (In Russ.).
14. The court established the guilt of the former head of the Investigative Committee of the Investigative Committee and the vice-governors of Kuzbass in the case of shares in the Inskoy open-pit mine. *Kommersant*: site. (In Russ.). Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5142788>. Publication date: December 23, 2023.

Информация об авторах

С. Н. Чирун — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и общественно-политических наук;
С. С. Гладких — аспирант.

Information about the authors

S. N. Chirun — Doctor of Science (Political), Assistant Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Political Sciences;
S. S. Gladkikh — a graduate student.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 24.06.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 24.06.2024.